

классовъ средне-учебныхъ заведеній задають своему законоучителю коварные вопросы и вступаютъ съ нимъ въ весьма щекотливые споры по поводу противорѣчій излагаемаго законоучителемъ ученія съ свѣдѣніями, почерпнутыми учениками изъ изученія другихъ предметовъ. И такихъ то учениковъ до, — такъ называемаго, — освободительнаго движенія заставляли ходить въ церковь, заставляли опускаться на колѣна въ важнѣйшіе моменты богослуженія?!... Что изъ этого вышло, мы уже видимъ, а что изъ этого можетъ еще вытти, мы, вѣроятно, скоро увидимъ. И какъ не задуматься надъ разрѣшеніемъ противорѣчій того, что дается свѣтскими науками, съ тѣмъ, что сообщается на урокахъ Закона Божія?! Въдъ эти противорѣчія вносятъ ядъ въ души учащихся, ведутъ къ гибели нашихъ дѣтей, наше будущее! . Въ разрѣшеніи этихъ противорѣчій и должно заключаться самое главное задуманныхъ реформъ нашего образованія. Безъ разрѣшенія же этихъ противорѣчій, при замалчиваніи ихъ, все останется по старому, и мы все быстрѣе и быстрѣе покатымся по наклонной плоскости къ конечной гибели. Не задумываются надъ разрѣшеніемъ этихъ противорѣчій не потому, чтобы ихъ не видѣли, не замѣчали, но умышленно ихъ замалчиваютъ, замалчиваютъ до времени, — потому что всѣ, тронутые образованіемъ, перешли къ такъ называемому научному міровоззрѣнію, исключаящему міровоззрѣніе религиозное, какъ заблужденіе, свойственное будто-бы умамъ незрѣлымъ, и съ нетерпѣніемъ ждуть того блаженнаго времени, когда Законъ Божій будетъ выкинутъ не только изъ числа главныхъ, но и совсѣмъ изъ предметовъ преподаванія, изъ предметовъ, необходимыхъ для образованія.

То общее направленіе, которое привело ко всеобщему ослѣпленію, свергшему наше отечество въ то смутное и бѣдственное состояніе, въ которомъ оно нынѣ находится, и было причиною, что не былъ замѣченъ, не былъ понятъ и оцѣненъ человекъ, который еще въ пятидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, когда только что занималась заря такъ называемой освободительной эпохи, сталъ указывать единственный выходъ изъ вышеозначеннаго противорѣчія, которое тогда еще не было такъ рѣзко, а средне-учебныхъ заведеній почти и не касалось; не былъ понятъ человекъ, 1-й томъ произведеній котораго, подъ заглавіемъ „*Философія общаго дѣла*“, вышелъ въ апрѣлѣ 1907 г. въ гор. Вѣрномъ. Николай Федоровичъ Федоровъ былъ извѣстенъ и Толстому, и Толстой зналъ его, несомнѣнно, за лучшаго и мудрѣйшаго изъ людей, по крайней мѣрѣ онъ не разъ говорилъ, что гордится, тѣмъ что живетъ въ одно время съ такимъ человекомъ, каковъ Н-лай Ф-чь, о чемъ, имѣется даже письменное свидѣтельство, письмо друга Толстого, извѣстнаго поэта Фета*) (Шеншина), которое будетъ современно напечатано. Толстой не могъ только, по присущей ему гордости, самого себя поставить ниже Н-лая Ф-ча и говорилъ ему самому, что былъ бы послѣдователемъ его ученія, если-бы не имѣлъ своего. Но это „свое ученіе“, такъ помрачило умъ Толстого, что онъ совсѣмъ не вслушался и не вдумался въ то, что ему говорилъ и читалъ, по всей вѣроятности, Н-лай Ф-чь. А онъ прежде

*) Пугачинъ въ статьѣ — „Имя встрѣчь съ А. Н. Толстымъ“, въ № 157 Русскихъ Вѣдомостей за 1911 годъ, — говоритъ: „Лейбъ Н-чь лично зналъ Н. Ф. Федорова и относился къ нему, какъ къ человеку „золотой земли“, съ большимъ уваженіемъ.“